

Как некоторые впечатлительные натуры, я вела дневник с 15 до 20 лет. Это было время, когда училась в Салаватском педагогическом училище. Поступила туда по настоянию родителей, хотя мечтала стать журналистом. Но, как ни странно, именно здесь я сделала первые шаги к желанной профессии — начала писать заметки, которые публиковались в городской газете.

Юность — время романтики, наивности, когда видишь мир ещё не замутнённым житейским опытом взором, в первозданной его чистоте. Именно поэтический взгляд на природу, человеческие отношения толкнули меня и к литературному творчеству. Свои впечатления от созерцания природы я стала выражать в форме эссе или новелл, маленьких рассказов, которыми заполняла страницы своего дневника. Некоторые из них тоже печатались на газетных страницах. Так, параллельно или журналистика и литературные опыты, пока в 20 лет не стала сотрудником Стерлитамакской районной газеты. Журналистика победила, дневники были заброшены.

Снова я их обнаружила в своём архиве через 45 лет! Перечитала и позавидовала своей юности, своим влюблённостям, стремлению познать мир и людей, разочарованиям, которые открыли мне окружающую действительность с другой стороны. Ведь в жизни есть не только любовь, радость, счастье, но и боль, разлука, предательство. Мне показалось интересным показать моим друзьям этот юношеский путь постижения действительности, открыть им, может быть, ещё неведомую сторону своей внутренней жизни. Этот лирический сборник, отблеск своей юности, я адресую и читателям журнала.

16 ЛЕТ. ОКНО В ЗАВТРА

Уходят годы, уплывают месяцы. Совсем буднично мчатся дни. И все, что я делаю сегодня, мне кажется временным, незначительным. Думается, что самые большие дела, самая настоящая жизнь ещё впереди. И каждый день наполнен тревогой, ожиданием чего-то хорошего, прекрасного.

Как просто в детстве! Веришь, что прилетят белые лебеди и унесут тебя в сказочную страну. А в сказке всё чётко и ясно: зло — чёрное, добро — розовое, голубое... Там храбрые обязательно победят драконов, прекрасные принцы найдут прекрасных принцесс.

Детство позади. Я вернулась из сказочного мира. Перешла в настоящую жизнь. Здесь будни не похожи на праздники. А надо, чтобы твой каждый день был праздником. Так хочется. Но нет белых лебедей, исполняющих твои желания. А есть окрепшие руки, готовые на новый взлёт. На них и надеюсь.

Руки-крылья. Мне кажется, что ими я раскрываю какую-то тайну. Может быть, тайну жизни, тайну человеческой души. Но чувствую, что мне ещё трудно поддаётся каждое движение. Зато изо дня в день подымается во мне какое-то большое, волнующее чувство. Это чувство — неудовлетворённость сегодняшним днём, это — стремление к завтрашним успехам.

День уходит. Стою лицом к розовому закату. Сколько во мне остаётся невысказанной мысли, сколько тоски и ожидания! Смотрю на недостроенные дома, ещё не раскрывшийся бутон весеннего цветка, на играющих детей, на всё живое, что тянется к последним лучам солнца, к жизни, и розовый закат кажется мне окном в завтра. Завтра достроятся дома, завтра распустятся лепестки цветов, завтра на день взрослее станут дети. Завтра... а сегодня так хочется с простёртыми, как крылья, руками полететь по розовому небу за солнцем вдогонку. И я бегу. С разбега падаю на грудь Земли, собираю её аромат и чувствую, как она даёт мне силы.

ОБЛАКА

Лежу в траве. И небо сомкнулось надо мной синим куполом. Со всех сторон по краям горизонта несмело толпятся облака и медленно стараются влезть на вершину этой лазурной опрокинутой чаши. Небо кажется мне огромным полем битвы. Облаков становится больше, они, как белоснежная пена, поднимаются всё выше и выше, и стремительно несутся навстречу друг другу. А проказник ветер то разбрасывает их в разные стороны, то собирает в большие грозные кучи и ещё больше дразнит их воинственный дух.

Небо от облаков побелело. Лишь вершина его, где солнце, всё ещё отливает синевой. Но этого светлого круга становится всё меньше и меньше. И вот, наконец, не осталось никакого просвета. Помяв себе бока, облака с треском ударились друг о друга, и гром прозвучал, как боевой клич.

Им не хватало места, им был тесен этот огромный купол. Они давили друг друга и темнели от ярости и гнева. Как коварные враги, они ежеминутно меняли свои формы, становились на дыбы, как грозные хищники, или расплзались, как волны тихого озера. Большие кучи насакивали на маленькие и жадно их поглощали.

Тут налетел сильный ветер и перемешал их, как в огромной ступе. Небо покрылось однообразной, белесой пеленой, которая закрыла солнце. Разочарованная концом этого небесного спектакля, который мне разыграли облака, я ушла домой.

БЕЗМЯТЕЖНОСТЬ

У меня есть подруга — поэтесса. Она пишет стихи. И каждое чувство, родившееся в ней, старается затиснуть в узкую оболочку слова, и радуется каждой удачной строчке, из которой строит стихотворение. Она создаёт поэзию.

А я эту поэзию вижу, ощущаю в окружающем меня мире.

...Лежу на пляже, на берегу, похожем на шкуру антилопы. Мой беспечный взгляд сначала тонет в бездонной синеве неба. Потом, падая вниз, цепляется за верхушки деревьев на горизонте. Как гурман, который смакует старое вино, я пьянею от созерцания прекрасной картины, каждый предмет которой, лаская, разглядывают мои глаза.

О! Это было пиршество для глаз! Возвышенности поднимались одна выше другой и казались складками платья великанши из нежного зелёного бархата, которая лениво разлеглась в этом краю, давая отдых своему изнеженному телу. Так гибки и плавны были изгибы

миниатюрных гор! Утренний туман — воздушный перламутр — в лучах проснувшегося солнца, мягко и приглушённо мерцал на впадинах сиреневым, алым, оранжевым цветом...

ВОСТОРГ

Все создано для меня. И эта пыльная дорога, проходящая через густой ельник около трёх могучих вязов у реки; и река, притягивающая к себе цвет неба; и небо, украшенное серебристой чеканкой облаков. Простой невзрачный камень на берегу существует благодаря мне. Я кладу гальку на ладонь, подбрасываю вверх, а потом с размаху бросаю в реку. По воде расходятся круги...

Ветер приносит с поля пряный запах трав. День жаркий и душный, а во рту вкус спелой дыни. Для слепого нет цветов, для глухого — жужжания шмелей над лубочно яркой поляной. Нет меня — нет ничего! Сознание того, что ты — хозяин всего, что видишь, слышишь, ощущаешь, приводит в тихий восторг. И в небрежно гордой позе властелина я растягиваюсь на теплом песке пляжа...

УТРО

Утро. Небо высокое-высокое. Будто опрокинули на Землю синий купол. И по этой лазури нежно плывут белые облака. Будто кто-то разбросал по небу кусочки ваты.

А под ногами изумрудом сверкает умывшаяся вечерним дождём трава. Жёлтое поле ржи колыхается, как море, от самого слабого дуновения ветра. Кажется, что ты стоишь перед огромной картиной, написанной яркими, сочными красками. Только пение жаворонка, ветерок, забавляющийся твоим локоном, да щекочущий ноздри запах лугов и нив твердят: «Все это действительность. Перед тобой — твоя родная земля!».

ВСЁ — МОЁ

Всё, что я вижу, принадлежит мне. И облака, задевающие горы, и горы, задевающие небо, и кипарисы, устремлённые вверх. И нежная зелень на склонах гор; белая кипень цветущих яблоневых садов; и изумительные персиковые деревья в нежно — розовых цветах; и старые стены, сложенные из камня; уютные, освещённые и согретье солнцем серые скалы, выступающие из глади моря; кривые улочки; дома с мансардами; камни и цветы.

Я вижу всё это во всех оттенках цветов. Душа моя вмещает, вбирает в себя всю безбрежность синего неба и лазурного моря, величавость и громаду гор и, кажется, сама становится безбрежной...

МОЙ ЗНАКОМЫЙ ВЕТЕР

* * *

У меня есть знакомый ветер. Да-да! Не верите? Правда, в городе трудно с ним познакомиться. На улице шуршат шинами автомобили, дома поют дуэтом радио и магнитола, говорит телевизор. Где уж тут услышать соло скучающего, печального или радостно возбуждённого ветра? Чтобы встретиться с ним, надо идти в дальний угол

старого парка, где он тихо шуршит листвою, качает сонные тюльпаны по утрам или по вечерам, а ещё можно сидеть в кресле у окна, и он сквозь узкие щели будет рассказывать вам сказки.

Мой знакомый ветер жил в самом дальнем углу парка, в овраге, заросшем по склонам тальником и кустами шиповника, дно которого устилал мягкий мох. Он был шаловливый и задиристый, как все молодые ветра. Любил внезапно, с разбойничьим свистом, пролететь сквозь лесную чашу. Возмущённые липы, осины, дубы долго шелестели вслед, осуждая его за то, что он нарушил их сонные, сладостные мечтания о созревающих плодах. Потом ветер вырывался на опушку и шептался там со стройной красавицей — зеленоглазой берёзкой. Ласково гладил высокие травы на лугах, разносил вокруг мелодичный звон синего колокольчика. Подхватывал на лету упавший маков лепесток и долго кружил с ним в танце, как с бабочкой. «Посмотрите, какой красивый! Видите, видите?», — словно говорил он. И все цветы, соглашаясь с ним, кивали красивыми головками.

* * *

Не влюбило его лишь болотистое озеро с кочками — бородавками. При его приближении оно грозно шевелило камышовыми усами и недовольно морщило своё чело. Молодой ветер нарушал это спокойствие, гнал по озеру маленькие волны и мешал превращаться в тихое болото. Но шалун, подразнив немного старика, уносился дальше, где его ждали друзья. Это были дым из каминных труб, из которых он свивал колечки и рисовал разные узоры на синем полотне неба, тепловоз, мчавшийся по рельсам, — с ним ветер играл в догонялки. Люди тоже были друзьями ветра. В жаркий душный день они с удовольствием подставляли навстречу ему загорелые лица и улыбались. Открывали настежь окна, ставили флюгера на крышах, которые он вращал с большой охотой. Иногда озорник срывал шляпы с прохожих. Все бросались их ловить, а ветер, дразня и хохоча, катил головные уборы, как колёса, по пыльной дороге.

Так, в играх и забавах проходил день. Вечером в небе начинали искриться звёзды, в густой траве светлячки зажигали свои фонари, люди ложились спать. И, как бы жалостно скуля, ветер не просился к ним, его не слышали. Малыши ворочались в тёплых постелях и улыбались своим цветным снам. А неугомонный ветер не хотел спать: он искал новых приключений. Не приходилось ли вам в лунные ночи сидеть у окна? Не замечали, какие странные тени возникают от качающихся веток тополя? На стене напротив окна вдруг появляется девичья голова, в следующий миг она превращается в протянутую руку, потом рука становится абстрактной картиной. И всё это — теневой фильм, который неумоимо показывает страдающий бессонницей ветер.

Лишь под утро, уставший, он возвращался в свой овраг. Укладываясь спать, будто читая, недолго ворочал обрывки газет и журналов на дне своего жилища и, наконец, засыпал. Ах, неопытный ветер! Он совсем не знал, что просыпает такое прекрасное время — рождение дня!. И птиц, громко восхваляющих восходящее солнце, он не слышал. Не видел, как навстречу золотым лучам раскрывают жёлтые головки калужница, мать-и-мачеха, одуванчики, как на прозрачном, покрытом серебристыми ворсинками листике прострела блестят капли росы.

Просыпался он ближе к полудню, когда лучи солнца доходили до самого дна оврага, освещая тёмные прожилки малахитового мха. Ветер лениво ворочался с бока на бок, греясь под нещадно палящим солнцем. Несколько раз вздыхал, потом с радостным криком опять уносился к друзьям и принимался за свои бесконечные дела. Надо было разносить по свету семена цветов и деревьев, помочь быстрее течь маленькому ручейку, пригнать стадо туч и полить тёплым дождём луга и пашни.

* * *

Однажды, напоив лето цветами радуги и ароматом, умерли цветы. Тополь плакал ржавыми листьями — слезами. Лето кончилось, на землю пришла тоскливая осень, которая побила холодными дождями все растения на лугах и устроила листопад. И ветер затосковал. Одинокий, бродил он по лесу и не слышал милый его сердцу шум зелёных листьев. Ветер пробовал утешить себя музыкой. И столбы фонарей, и щели незамазанных окон он брал инструментом в свой оркестр. И дождь, барабанил длинными пальцами о зеркало луж, тоже вносил свой ритм в эту музыку. Но ветер был неутешен. С плачем уносился он в поля и проводил целые дни в бесплодных поисках цветов.

На дне оврага, где жил ветер, часто блестели лужи. Мох отяжелел от влаги и сваялся. Лишь иногда ветер приходил в своё жилище и, сиротливо скуля, засыпал на короткое время.

* * *

Однажды, когда он, свернувшись в клубок, лежал на замёрзшей листве, пошёл снег. Ветер застыл от удивления. Сначала он подумал, что это вернулось лето и с неба падают крохотные белые розы. Но радость его была недолгой — это сыпались не ароматные, нежные цветы, а мёртвые, холодные звездочки. От тоски ветер слёг совсем, и пушистый снег будто навечно похоронил его под белой периной.

Но не любил мой знакомый ветер долго бездельничать — стряхнув с себя белоснежное одеяло, искал себе работу. Пришёл к ручейку, а тот покрылся прозрачным льдом. Посмотрел ветер в это зеркало и сам себя не узнал. Совсем он и не юноша, а уже старик с седой бородой. Завыл, запричитал от неожиданности. И пошли, пошли бураны разгуливать по белу свету. Дома заносило снегом до крыш, путники блуждали на дорогах, потеряв в снежной пурге ориентир. Потом стало тихо — это ветер увидел торчащие сквозь снег озябшие озимые. Да ведь замёрзнут, родимые, в такую стужу! Взял ветер тогда белую метлу вьюги и старательно укрыл всё поле снегом, заодно замазал им все щели на окнах и заборах, посыпал блёстками ёлочки в лесу. Хотя работы хватало, ветер всё же тосковал по лету, по радуге, по цветам. Зима казалась ему бесконечной и вечной. Надежда появилась после того, когда однажды в лес пришли люди, чтобы срубить ёлки к новогодним праздникам. Они говорили, что до возвращения весны и лета остаётся все меньше времени.

Вот уже отблестели гирляндами и блестящими стеклянными игрушками новогодние ёлки, а снега всё не таяли. От долгого ожидания ветер затосковал и заболел. А люди, как ни странно, улыбались. Воздух стал влажным, снег рыхлым, всё ярче светило солнце. Мужчины бережно несли в руках что-то завернутое в бумагу. «Что это они так оберегают?», — подумал любопытный ветер и пошёл искать, где они берут эти загадочные свёртки. За городом он обнаружил оранжерею, у которого и стены, и потолок были стеклянными. Забыв, что он болен, ветер с весёлым свистом облетел этот сказочный дом, припал к крыше и...ахнул! Там, внизу, за прозрачной перегородкой, жили сотни самых разных цветов. На него удивлённо смотрели полураскрывшиеся бутоны тюльпанов, на лепестках роз блестела роса. «У меня украли лето и спрятали в этот дом! Верните мне цветы!», — гневно закричал ветер и стал стучать по крыше оранжереи, пытаясь всё порушить. Но дом был крепкий и по-прежнему сверкал окнами-стенами. Люди кутались в шубы, поднимали воротники, но всё равно улыбались. «Это мартовский буран, весна идёт», — говорили они. А уставший ветер возвратился в свой овраг и крепко уснул.

Тем временем солнце поднималось все выше, с крыш свисали острые сосульки и снег таял на глазах. По склонам оврагов уже побежали первые ручьи, которые своей весёлой болтовнёй и разбудили ветер. Проснувшись, он увидел, что лежит не на белой перине, а в большой луже. Даже жаворонки, взлетая под облака, весело смеялись над ним.

Чёрных лоскутков вспаханных полей становились всё больше. Вернулись птицы и принялись деловито вить гнёзда. Ветер увидел, как сквозь жухлую, прошлогоднюю траву поднимаются тоненькие зелёные пучки травы. Он пригнал небольшую тучу, напоил дождём освободившуюся от снега землю и, радостный, пошёл искать прежних друзей, а по дороге набрёл на большую лужу. Нагнулся к ней и в чистой, прозрачной воде увидел своё отражение. Оказалось, седая его борода растаяла, как снег, и он снова стал молодым и озорным. На землю пришла весна, а к нему вернулась молодость.

Сейчас мой знакомый ветер опять полон забот и хлопот. Нужно помочь пробивать свой путь маленькому ручейку, разносить семена цветов и деревьев, пригнать облака и полить тёплым дождём луга и пашни. Если хотите с ним познакомиться, загляните в дальний угол старого парка. По вечерам он там отдыхает, тихо шурша листьями дубов и укачивая засыпающие тюльпаны.

Р. S. На этом временно прерываюсь. Редактор пообещал, что когда-нибудь, в одном из следующих номеров любимого «Аргамак» публикация отблесков моей юности будет продолжена.

